

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (33)

журнал выходит четыре раза в год

УДК 94(470.64)

А.Х. Кармов

АНТИКОЛХОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАГОРНОМ И БАКСАНСКОМ ОКРУГАХ КБАО В 1929–1930 гг.

В статье исследуется общественно-политическая ситуация в Кабардино-Балкарии в условиях перехода от новой экономической политики к политике коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса.

Анализируются причины, побудившие наиболее деятельную и трудолюбивую часть крестьянства Кабардино-Балкарии, на примере Нагорного и Баксанского округов, к вооруженному восстанию против мероприятий советской власти, а также подготовка и ход вооруженного выступления и причины поражения.

Ключевые слова: новая экономическая политика, коллективизация крестьянских хозяйств, хлебозаготовка, повстанческое движение, И. Кертов, Б. Калмыков, А. Абуков, ОГПУ.

Свертывание новой экономической политики и курс партии на коллективизацию крестьянских хозяйств вызвали резкий всплеск антисоветских выступлений в большинстве регионов страны. Не было исключением и Северо-Кавказский край, в котором с новой силой развернулось повстанческое движение. Оно охватило и территорию Кабардино-Балкарии, где со всей очевидностью проявилась его антиколхозная направленность.

Несмотря на то, что период действия новой экономической политики характеризовался нестабильностью общественно-политической ситуации в области, тем не менее, сельскохозяйственное производство восстанавливалось, крестьяне работали на своих участках земли как полноправные хозяева. Из бедняцких крестьянских хозяйств стали выделяться середняцкие хозяйства и хозяйства зажиточных крестьян. Однако хлебный кризис 1927/1928 г. обострил ситуацию на продовольственном рынке, и государство перешло к жесткому методу коллективизации крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствует появившаяся 7 ноября 1929 г. в газете «Правда» статья И.В. Сталина «Год великого перелома», в которой 1929 г. был объявлен годом «коренного перелома в развитии земледелия» в стране¹. Тогда же партия отказалась от политики ограничения эксплуататорской тенденции кулачества и перешла к политике ликвидации кулачества как класса.

В то же время государство подвергало ограблению крестьянских хозяйств. Это проявилось в Кабардино-Балкарии в период проведения заготовительных мероприятий, когда у крестьян насильственно изымался весь хлеб, в том числе предназначенный для питания и посева.

Годовой план хлебозаготовок настолько был велик, что эти драконовские меры не обеспечивали его выполнение. Так, по данным информационного отдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе по материалам на 20 декабря 1929 г. было отмечено снижение темпа хлебозаготовки почти по всем областям Северокавказского региона. Годовой план хлебозаготовок был выполнен по Осетии на 74,1%, по Кабарде – 54,1%, Ингушетии – 47%, Чечни – 25,1%².

Крестьянские волнения в Кабардино-Балкарии начались задолго до появления вышеприведенных данных информационного отдела ОГПУ по Северокавказским областям.

Так, первое крупное крестьянское движение в Кабардино-Балкарии в советское время произошло летом 1928 г. Оно вошло в историю как «Баксанские события». Это масштабное выступление кабардинского крестьянства обуславливалось суммой негативных социально-экономических и политических факторов, неприемлемых для основной массы крестьян. В их числе особое место занимала компания по насильственному изъятию хлеба. Причем в решении этого вопроса государство шло на провокацию, поскольку оно мобилизовало на хлебную экзекуцию сельскую бедноту, обещая ей 25% конфискованного хлеба³. Тем самым у определенной части, подвергшейся раскулачиванию крестьянства, формировалось устойчивое чувство неприятия и вражды к сельской бедноте, усугубляя и без того напряженную обстановку в деревне.

Вслед за ним вспыхнули антиколхозные крестьянские волнения в Верхнем Курпе (1929), Балкарском округе (1930), в Нартане вместе с присоединившимися повстанцами из Чегема (1931). Эти и другие выступления крестьян Кабардино-Балкарии против мероприятий советской власти нашли отражение в советской и постсоветской региональной историографии. Однако в условиях советской действительности вопросы, связанные с антибольшевистским движением крестьян рассматривались весьма тенденциозно и исключительно в негативном свете.

По данным доступных архивных материалов антиколхозное движение среди крестьян Нагорного округа началось летом 1929 г. Об этом мы узнаем из следственного дела № 576 по обвинению членов контрреволюционной организации, действовавшей на территории Нагорного округа и соседних округах КБАО⁴.

Следственные органы Кабардино-Балкарии связывали ее возникновение с начавшимся решительным наступлением советской власти и коммунистической партии на «контрреволюционные кулацкие элементы» в деревне и проведением важнейших сельскохозяйственно – политических мероприятий.

При анализе причин возникновения Нагорной повстанческой организации следует также иметь в виду влияние антисоветского Баксанского выступления крестьян летом 1928 г., подавленного с особой жестокостью.

Многие уцелевшие участники этих событий оказались в рядах повстанцев Нагорного и Баксанского округов.

На формирование протестного настроения крестьян названных округов большое влияние оказало антиколхозное выступление крестьян в Малой Кабарде. Так, на первой конспиративной встрече (их было не менее четырех), организаторы антисоветской борьбы в Нагорном округе обсуждали сложившееся положение в области, в том числе и в Малой Кабарде, где произошло восстание жителей сел. Верхнего Курпа. Однако на этой встрече не было принято решение об организации вооруженной борьбы против советской власти.

Следует отметить, что такие встречи проводились глубокой ночью в доме или в саду Бекулова Али – одного из самых зажиточных крестьян Нагорного округа. Организатором этих собраний был вместе с ним и Легидов Дзуна.

Как отмечено в показаниях последнего, спустя два дня после первого собрания в саду около дома А. Бекулова состоялось второе собрание. В нем принимали участие около 20 человек. А. Бекулов подчеркивал, что « все присутствовавшие здесь, в том числе и я, говорили, что советская власть не приемлема для нас, потому, что она не дает нам свободно жить, не дает свободно распоряжаться продуктами своего труда и вообще, своим имуществом, не дает свободно исполнять религиозные потребности, не дает обучать детей по Корану – почему нам надо добиться свободной народной власти на основе свободного права во

всех отношениях. В результате всех разговоров пришли к тому, что надо запастись оружием, лошадьми и сделать восстание. Для руководства восстанием избрали руководителями меня, Паунежева Хацу, Хашкулова Мель – этих лиц выделили потому, что они служили в армиях и знали военное дело»⁵.

По свидетельству одного из активных участников повстанческого движения в Нагорном округе Кубалова Масхуда в августе месяца его пригласили на конспиративное собрание, на котором присутствовало около 20 человек. По его словам это было четвертое собрание. На нем обсуждался вопрос формирования повстанческих ячеек не только в сел. Сармаково, но и в других населенных пунктах Нагорного и Баксанского округов. Так, один из организаторов крестьянского выступления Паунежев Хацу заявил, что по селам Залукодес, Залукокоаже, Шордаково у него есть верные люди и уже обещали по своим селениям организовать людей.

Диданов Хабала сообщил, что он уже в сел. Сармаково, в нижнем квартале, организовал 15–16 человек, они все вооружены и готовы к выступлению.

Бекулов Али взял на себя уплату за патроны и винтовки, которые где-либо будут найдены и будут продаваться⁶.

Тот же Кубалов Масхуд заявил, что «главными лицами из числа нас являлись Легидов Дзуна и Паунежев Хацу».

Тот факт, что для руководства восстанием были избраны Легидов Дзуна, Паунежев Хацу и Хашкулов Мель в купе с заявлением Кубалова Масхуда о роли Легидова Дзуны и Паунежева Хацу в организации повстанческого движения свидетельствует о том, что на этом этапе организации повстанческой борьбы Исмель Кертов не принимал участия.

На этом собрании присутствовал и другой активный участник антиколхозного выступления сармаковцев Осман Легидов, который был приглашен туда Паунежевым Мажидом. В его показаниях имеются интересные сведения о методах деятельности одного из организаторов и вдохновителей участников вооруженного восстания крестьян в Нагорном и Баксанском округах – Легидова Дзуны, который сообщил собравшимся о его встрече с прилетевшим из-за границы Коцевым Пшемахо и Катхановым Назыром. По утверждению Д. Легидова последние имели в лесу большие отряды, с которыми они в скором времени придут в Кабарду с целью свержения советской власти и, что, они якобы поручили Легидову подговорить в сел. Сармаково людей для присоединения к этим отрядам. Коцев и Катханов, по словам Легидова Дзуны, дали ему шариатское знамя, под которым должны объединиться сармаковцы. Более того, судя по словам Д. Легидова, отряды Коцева и Катханова в Кабарду придут 23-го августа. К этому сроку сармаковцы должны уже подготовиться к выступлению. К рассказу Легидова Дзуны все присутствующие на данном собрании отнеслись сочувственно, и в свою очередь стали говорить о необходимости выступить против советской власти с целью свержения⁷.

В реальности ничего подобного не было, и быть не могло, поскольку ровно за год до этих событий в августе 1928 г. Катханов Назыр был расстрелян, а Коцев Пшемахо находился в политической эмиграции в Турции.

Сам Легидов Д. после ареста на следствии признался в том, что «кем-то был пущен слух, что я виделся с Катхановым и Коцевым. Вообразив из себя, что, я, как бы действительно связан с ними, внушил себе мысль, что я могу руководить организацией, и предпринял шаги к созданию таковой...»⁸. Скорее всего распространителем этих слухов являлся сам Легидов Д. или кто-нибудь из его единомышленников для организации и руководства повстанческим движением в Нагорном округе.

Тем не менее, следует иметь в виду, что подобные явления имели место и в других национальных областях Северного Кавказа. Так, с точки зрения большевиков «кулацко-мульский элемент» на Северном Кавказе продолжал

вести усиленную агитацию и распространять самые невероятные слухи о скором падении советской власти, о приходе англичан и турок и т.д.

Один из руководителей повстанческого движения в Южном Дагестане шейх Штульский вел борьбу против советской власти под лозунгом – «Долой колхозы, совхозы, артели, долой советскую власть, да здравствует шариат». Одновременно распускал слухи о скором приходе турецких войск⁹.

Что касается шариатского знамени, то, как показал сам Легидов Д., «... исходя из того, что раз мы взялись бороться за свободное право, свободную власть, то для мусульман, чтобы их объединить, для этого надо шариатское знамя, призывающее бороться за шариат»¹⁰. На этом же собрании он предложил изготовить его.

Действительно знамя было изготовлено и на нем сделана надпись на арабском языке эфендием Бирмамитовым Хаджи-Исламом. Она гласила: «Кто не забыл еще Аллаха всемогущего, тот станет под этим флагом и будет бороться за шариат»¹¹.

До появления надобности в нем оно было спрятано в сундуке в доме Легидова Д. Когда сармаковская повстанческая ячейка уходила в подполье и Легидов Д. решил взять знамя с собой, то его не оказалось в сундуке, так как жена сожгла его.

Следует подчеркнуть, что на ночных конспиративных встречах в саду у Бекулова Али присутствовали будущие повстанцы исключительно из сел. Сармаково. Именно из их числа сформировался костяк руководящего центра по подготовке вооруженного восстания в Нагорном и Баксанском округах. В их числе были: Бекулов Али, Бирмамитов Хаджи-Ислам, Легидов Дзуна, Паунежев Хацу и Хаупшев Джебago. Позже к ним присоединился Исмел Кертов и стал пользоваться непререкаемым авторитетом среди повстанцев.

Между тем, мы чрезвычайно мало знаем о личности Исмела Кертова, ставшей легендой в массовом общественном сознании народа, непримиримого борца против колхозного строительства и других мероприятий советской власти в Кабардино-Балкарии.

В воспоминаниях родственников, оставшихся в живых соратников, просто знавших его людей, он предстает перед нами как смелый и неукротимый предводитель крестьянского движения против колхозного строительства, как борец за свободу, за справедливость, за сохранение традиционного уклада жизни на основе шариата.

Вскоре после его гибели летом 1930 г., по области широко стала распространяться рожденная в народе песня о И. Кертове.

В статье С. Бейтуганова «Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах» приводится текст докладной записки, поступившей от областного отдела ОГПУ 10 марта 1931 г. в Кабардино-Балкарский обком ВКП(б), в которой говорилось, что «Песня о Кертове, составленная в рифму, в подлиннике по-кабардински звучит весьма красиво, а обстановка пения, слова песни, ее боевой дух и припев – все это вместе взятое обычно на присутствующих производит огромное впечатление...»¹². Докладная записка отдела ОГПУ сильно встревожила областной комитет партии, поскольку песня о Кертове стремительно распространялась среди молодежи.

Были зафиксированы случаи, когда эту песню пели комсомольцы. В связи с этим было принято решение об усилении антирелигиозной пропаганды, массово-разъяснительной работы по внедрению в общественном сознании значения классовой борьбы в условиях коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса.

В упомянутой докладной записке приводится и текст песни на русском языке.

В феврале 1991 г. в газете «Шыщхъэмыгъазэ» была опубликована статья Исуфа Гукетлова под названием «Шыщхъэмыгъазэ». В ней автор приводит подборку материалов о И. Кертове, собранной им в результате длительной поисковой работы. Здесь и «Песня о Кертове» несколько в иной редакции, стихи, посвященные этому мужественному человеку и другие материалы.

Судья по ним, И. Кертов родился в крестьянской семье в сел. Сармаково, Нальчикского округа Терской области. Трудился в родном селе кузнецом. Во время коллективизации крестьянских хозяйств в сел. Сармаково в 1929 г. И. Кертов все свое имущество – кузница, единственная корова, хозяйственные инвентари отдал колхозу. Но когда руководство колхоза потребовало от него любимого коня золотисто-буланой масти, то он наотрез отказался, и во время ссоры на этой почве с председателем колхоза И. Кертов избил последнего и, преследуемый милицией и сельским активом, вынужден был уйти в горы.

В публикации И. Гукетлова содержится много интересных сюжетов, как, например, встреча И. Кертова и Б. Калмыкова, подстроенная первым¹³.

С приходом Кертова к повстанцам – односельчанам завершилось формирование Сармаковского центра повстанческого движения. Он проводил усиленную подготовительную работу по вовлечению, не только жителей села, но и других населенных пунктов и округов в антисоветскую борьбу.

Активная работа по вербовке противников советской власти на борьбу с ней проводилась в 11 населенных пунктах Нагорного и Баксанского округов. Причем в каждом из этих населенных пунктов повстанческим центром были назначены ответственные организаторы по формированию повстанческих ячеек. Так, например, в сел. В. Куркужин таковыми были Шереметов Хаджимурат и Афаунов Кази. Под их руководством была подготовлена к вооруженному выступлению против советской власти 50 чел., которые были обеспечены оружием и лошадьми.

В сел. Н. Куркужин такая же подготовка была проведена Таукановым Зарамуком, было подготовлено к вооруженному выступлению 100 человек, которые имели в наличии оружие и лошадей.

В сел. Залукокоаже в качестве организаторов повстанческой ячейки были назначены Кубалов Худ, Бжахов Адам и Шидов Лялю. Ими была создана активная боевая вооруженная группа в 100 человек, готовая вступить в любое время в вооруженную борьбу против советской власти.

Такие боевые группы были созданы в Каменноостском – 100 чел., (ответственный – Бишенов Кара со свим помощником), Шордаково – 60 чел., (ответственные – Коцев Табыш и Нартоков Хусейн), Гунделен – 100 чел., (ответственные – Хачиевы Магомет и Молла), Заюково – 80 чел., (ответственные – братья Шомаховы), Куба – 60 чел., (ответственный – Винов), Лечинкай – 100 чел., (личность ответственных не установлена), Кызбурун-2 – 150 чел., (ответственный – Шогенцуков), Малка – 100 чел., (ответственный – Хажинагоев Хабиж)¹⁴.

Подготовка к вооруженному восстанию настолько стала очевидной, что члены сармаковского повстанческого центра вынуждены были уйти в подполье и обосноваться в местечке «Верхний Куруко». Находясь в подполье, центр контролировал ход подготовительной работы через своих инструкторов, назначенных им из числа членов повстанческих групп, сведущих в военном деле и обладавших организаторскими качествами. Так, например, Коцев Табыш, один из активных участников повстанческого движения, поддерживал связь между повстанческим центром и населенными пунктами, где активно велась подготовительная работа к восстанию. В сфере его деятельности находились Залукокоаже, Шордаково и Каменноостское. В центр он регулярно являлся каждые 10–15 дней, а иногда и чаще, в зависимости от обстоятельств и подробно информировал его о том, как проходит в селах подготовка к восстанию среди кабардинского населения. Каждый раз Коцев Табыш получал указания, что нужно сделать в каждом отдельном селении, которое и выполнял совместно с членами организации, работавшими в селениях по подготовке восстания¹⁵.

Кроме этого каждому члену повстанческого центра персонально было поручено вести контроль за подготовкой восстания в ячейках. Так, например, в сел. Заюково для организации повстанческой работы постоянно ездили Кертов Исмель и Паунежев Хацу, в В. Куркужин и Н. Куркужин – Бекулов Али и т.д.

Согласно показаниям на следствии членов сармаковского повстанческого центра, к концу 1929 – началу 1930 г. во всех вышепоименованных населенных пунктах были созданы вооруженные группы, имевшие оружия и лошадей, которые по распоряжению штаба восстания были готовы в любой момент принять участие в вооруженной борьбе против советской власти в Кабардино-Балкарии¹⁶.

Особо следует отметить работу повстанческого центра по установлению связи с казачьими станицами, граничащими с Кабардой. Эта работа осуществлялась путем выезда в эти станицы одного из членов штаба по руководству повстанческой работой. По поручению штаба такую работу осуществлял Паунежев Хацу. Из его показаний видно, что сармаковский центр по подготовке восстания ставил своей задачей подготовить массовое восстание не только в Кабарде и Балкарии, но и в соседних казачьих станицах, где по данным центра также росло недовольство советской властью, и что в казачьи станицы также готовятся к вооруженному восстанию с целью свержения советской власти.

В начале июля 1929 г. для налаживания связи с казачьим населением и организации совместной борьбы против советской власти в станицу Зольская был направлен Паунежев Хацу. Он был связан с одним из руководителей антисоветской группы в станице Зольской Игнатом Романовым.

По прибытии в станицу «Зольская», Х. Паунежев связался с И. Романовым, и в беседе с ним выяснилось, что «казаки поголовно недовольны советской властью и готовы вместе с кабардинцами поднять вооруженное восстание». При этом он сообщил, что в каждой станице найдется 100–200 и больше казаков, имеющих у себя винтовки, и даже найдутся пулеметы.

В тот же день И. Романов в своем доме созвал секретное совещание с приглашением активных участников антисоветской борьбы в станице. Он сообщил собравшимся, что из Кабардино-Балкарии приехал представитель договориться с казаками о совместном вооруженном восстании против советской власти, а ночью того же дня И. Романов созвал нелегальное собрание казаков за селом на выгоне, недалеко от станицы. По словам Х. Паунежева, на этом собрании присутствовало 92 человека. Оно длилось с позднего вечера до рассвета. Разошлись, когда начало рассветать.

На этом собрании выступил Х. Паунежев и призвал казаков объединиться с кабардинцами в борьбе против советской власти. Было принято решение – впредь поддерживать постоянную связь казаков со штабом подготовки восстания в Кабарде и Балкарии.

Также было постановлено немедленно начать подготовку к восстанию в русских казачьих станицах, а в качестве постоянного представителя-связиста-маршрутника от сармаковского повстанческого центра был выделен член организации, кабардинец Берзегов Умар, владевший в совершенстве русским языком и проживавший в сел. Залукокоаже, в 3-х км. от ст. Зольской¹⁷.

После возвращения Х. Паунежева в Сармаково было созвано совещание штаба повстанческого движения, на котором он подробно доложил о результатах своей поездки в ст. Зольскую.

На 16 день после этого совещания по поручению штаба У. Берзегов был послан для связи в ст. Зольскую. Он привез оттуда в штаб повстанческого движения, скрывавшегося в местечке «Верхний Куруко», письмо за подписями И. Романова и его помощников. В нем они сообщали, что казаки полностью подготовились к восстанию и ожидают действия со стороны кабардинцев и вместе с ними готовы выступить с оружием в руках против советской власти¹⁸.

В свою очередь казаки проявляли повышенный интерес к готовящемуся в Кабардино-Балкарии вооруженному выступлению и приезжали к повстанцам. Одна из таких встреч состоялась в сел. Залукокоаже, в доме Теуважева Якуба, где обсуждался вопрос о совместном вооруженном выступлении кабардинских повстанцев совместно с русскими казаками¹⁹.

Осенью 1929 г. для установления связи с сармаковским центром повстанческого движения из Карачая приехал связист-ходок Тугов Абдул-Газиз. Он был послан неким Лафишевым, чтобы выяснить степень подготовленности повстанцев Нагорного и Баксанского округов к вооруженной борьбе против советской власти и ознакомить кабардинских повстанцев с положением дел в Карачае в организации антисоветской борьбы.

А.-Г. Тугов встречался дважды с руководителями сармаковского центра повстанческого движения. Последние написали письмо Лафишеву с изложением плана дальнейших действий против советской власти, с которым уехал А.-Г. Тугов. Таким образом, связь была налажена.

Заслуживает внимание тот факт, что Лафишев обещал в случае необходимости прислать на помощь кабардинским повстанцам боевой отряд против красноармейцев²⁰.

Однако на этом этапе сармаковскому повстанческому центру не удалось развернуть активные боевые действия, так как органы ОГПУ напали на след повстанцев, и значительная часть руководящего органа была арестована осенью 1929 г., среди которых были: Бекулов Али Темрюкович, Паунежев Мажид Аслангиреевич, Бирмамитов Хаджи – Ислам Нагоевич, Шوماхов Татым Алиевич, Теуважев Кучук Ботович, Динаев Харун Чокаевич, Пилов Лямизо Конович, Тугов Абдул – Газиз Шухайбович. Все они были приговорены «к высшей мере социальной защиты», т.е. расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение в ночь на 20 февраля 1930 г.²¹

Особое внимание заслуживает тот факт, что подготовка к вооруженному восстанию сопровождалась агитационно-пропагандистским обеспечением, зиждившимся на двух постулатах большевиков: уничтожение религии как таковой и разорение крестьянских хозяйств путем насильственной коллективизации.

Это положение было сформулировано одним из руководителей повстанческого движения Х. Паунежевым так: «Советская власть хочет уничтожить совершенно религию, детей по советским законам совершенно запрещается в школах обучать религии, чтобы окончательно уничтожить религию советская власть хочет уничтожить все межгиты. Наряду с этим советская власть хочет совершенно разорить кабардинское крестьянское население. Для этого облагает непосильными налогами, насильно принуждает организовываться в колхозы. Все это делается для того, чтобы окончательно разорить крестьянство. Дальше продолжать терпеть кабардинцам надругательство над религией и разорение крестьянства становится невыносимым, а поэтому необходимо всем организованно выступить против соввласти, чтобы свергнуть ее, в этом также окажут содействие и другие области, где все население также недовольно соввластью и подготавливают вооруженное восстание»²².

Кроме этого руководители повстанцев распространяли воззвания – листовки к кабардинскому населению. Так, лидер повстанческого движения Нагорного и Баксанского округов Кертов Исмель, от руки карандашом на русском языке написал два документа (текст дается с сохранением стиля и орфографии по источнику) Первый документ – это обращение к жителям села Конова следующего содержания:

«Дорогие братья, зачем вы спите, пора проснуться, пора снять проклятую власть с шеи, она нас давит, она от нас отбирает веру в бога, она от нас отбирает наше хозяйство, она нас лишает жизни и свободы. Верующие хозяева, вставайте и поднимайте в наши ряды с оружием в руках для завоевания наших прав и интересов. Мы боремся в защиту религии и право на собственность, должно быть у вас серьезное внимание, чтобы идти с нами рука об руку для завоевания крестьянского права; не давайте обмануться за совзнаки. Наемники, безбожники, не ходите против нас, будет плохо. Долой власть колхозов и совхозов».

Второй документ был адресован сельактивисту Нуржанову с пометкой «для передачи Калмыкову – секретарю обкома РКП(б)». Он был обращен лично Б. Калмыкову и в нем говорилось: «Неужели не пора тебе извиняться, отказаться от службы, ваша пропала, ваших не будет. Освобождай всех арестованных целиком. Если малейше тронешь кому-нибудь из них, то ваших сто человек убьем за одного, уже наше дальше терпенье не хватает, ты много наших ничтожил за свое добро, за свое человечество, за свою честь. Довольно быть тебе резником, изменяй свой наглый характер, не гони за нами дальше с наемниками, не вари каши, не давай дальше страдать народу, мирным гражданам, жалко тратить патроны твоим хулиганам, твоим холуям. Мы не обращаем внимания, вызываем тебя на народное право и признание бога. Не примеш нашу лозунгу, тогда не будет тебя. Кертов И.»²³.

Следует отметить, что во второй половине 20-х годов шел интенсивный процесс разрушения старых традиционных жизненных укладов. Шел процесс ликвидации безграмотности, раскрепощения горянок и вовлечения их в общественно-политическую жизнь. Тогда же началось строительство сети культурно-просветительных учреждений, детских садов и яслей и т.д. Эти мероприятия советской власти сопровождались всевозрастающим темпом борьбы с религией. Для Кабардино-Балкарских большевиков деисламизация населения области являлась первоочередной политической задачей текущего момента.

Так, в ноябре 1922 г. на заседании областного комитета партии были созданы комиссии в составе Фаддеева, Прохорова и Блицау по изъятию ценностей из русских православных церквей, Какожева, Бесланеева и Катханова – из кабардинских мечетей²⁴.

Наряду с материальными ценностями планомерно уничтожались очаги духовного образования. Об этом свидетельствует постановление заседания бюро обкома партии, состоявшегося 11 ноября 1924 г, на котором рассматривался вопрос о духовных школах. Было отмечено, что «...духовных школ в Кабобласти нет, а существуют медресе, которые в настоящее время влачат жалкое существование. Необходимо добиваться окончательного их разложения»²⁵.

К началу сплошной коллективизации крестьянских хозяйств антирелигиозная борьба достигла своего апогея. Отказ от шариата, закрытие мечетей и медресе, запрещение обучения детей Корану, жесточайшие репрессии в отношении религиозных деятелей стали повседневностью в реальной жизни общества в те годы. По существу власть добивалась уничтожения «базовых ценностей традиционной культуры» с тем, чтобы осуществить «зачистку этнокультурного пространства от традиционных компонентов для более целостного насаждения советского социокультурного комплекса»²⁶.

Причем население не имело никакого представления, к каким последствиям приведет этот социальный эксперимент.

В основе организационно-политических мероприятий местных властей по проведению коллективизации крестьянских хозяйств лежала не повседневная разъяснительная работа среди крестьянских масс о преимуществе коллективного крестьянского труда, а директивное претворение этого плана в жизнь посредством вооруженного подавления оппонентов колхозного строительства.

Все это вызывало у традиционалистски мыслящей части населения ожесточенное сопротивление, а отсутствие полного понимания сути мероприятий советской власти в деревне порождали слухи, порой доходящие до абсурда. В подтверждении этого тезиса можно привести пример из вышеназванного следственного материала. Так, один из участников антиколхозного движения в Нагорном округе рассказывал, что он узнал от знакомого о распространяемых слухах, что якобы «советская власть организует колхозы, и поэтому все хлеборобы будут разорены т.к. у всех отнимут скот, дом и пр. Все крестьяне, согласно закону

советской власти, будут иметь на нижней рубаше значки вроде тавра, как у лошадей, и по этим значкам будут выдавать пайки, и кто не будет иметь тавра, тот погибнет голодной смертью»²⁷, и, что, в этих колхозах «...все мужчины и женщины будут спать под общим одеялом, размером до 40 метров, что жены будут общие, и никто не будет иметь право возражать этому»²⁸. Подобных примеров бесчисленно много.

Несмотря на подавление Верхне-Курпского восстания крестьян в августе 1929 г., в Малой Кабарде не прекращалась борьба против колхозного строительства. Так, в январе 1930 г. из Малой Кабарды и сел. Алтуда в штаб повстанческого движения Нагорного и Баксанского округов, находившегося в то время в местечке «Хара – Хора», прибыли два делегата – один из сел. Алтуда, другой – из Малой Кабарды. В качестве проводника их сопровождал Хазраил Хуранов из сел. Малки. Прибывшие связные доложили штабу повстанческого движения о той большой подготовительной работе к вооруженному восстанию против советской власти, которая проводилась в Алтуде и в Малой Кабарде.

Цель их приезда заключалась в том, чтобы согласовать со штабом повстанческого движения дату начала совместного восстания против советской власти. При этом они сообщили, что в Алтуде подготовлен повстанческий отряд из 80 чел., а в Малой Кабарде – 300 чел., хорошо вооруженных и имеющих лошадей.

Штаб руководства прибывшим делегатам дал директиву, чтобы они со всеми подготовленными повстанцами прибыли в местность «Кушепсыно» не позже двухнедельного срока²⁹.

Из документов ОГПУ по разоблачению деятельности контрреволюционного повстанческого движения в Нагорном и Баксанском округах видно, что в первой половине февраля 1930 г. завершилась подготовка к вооруженному выступлению против советской власти.

Прологом вооруженного выступления повстанцев явились аресты наиболее активных организаторов антиколхозного движения, произведенных 13 февраля 1930 г. Они прошли в Нижнем Куркужине, Верхнем Куркужине, Каменноостском и в других населенных пунктах двух округов.

Вечером 13 февраля в отряд Кертова прибыли несколько человек, представители из Нижнего Куркужина. Они проинформировали И. Кертова об аресте односельчан, членов повстанческой ячейки.

В ночь с 13 на 14 февраля И. Кертов с отрядом в 15 человек, в котором находился бывший член ВКП(б), председатель исполкома Нижне-Куркужинского Совета Таукенов с односельчанами, выехал в направлении сел. Нижнего Куркужина.

К этому времени член сельского совета Карданов Тлостан сформировал отряд в 15 чел. якобы для охраны села от бандитов и в ночь на 14 февраля вывел его из села с целью присоединения к ожидаемому отряду И. Кертова.

Несмотря на поздний час, в это время заседал исполком села, видимо, члены исполкома считали себя в безопасности, надеясь на отряд Карданова. Однако по прибытии отряда И. Кертова в сел. Нижний Куркужин, отряд Карданова в полном составе влился в него. Повстанцы разогнали членов сельисполкома, разоружили их и отобрали верховых лошадей.

И. Кертов не стал устраивать сход жителей села в столь поздний час. Он организовал подворный обход с разъяснением цели и задачи повстанцев. В результате к последним присоединилось с учетом отряда Карданова и других 100 человек из Нижнего Куркужина. С этой силой И. Кертов направился в Верхний Куркужин, где он агитировал жителей села присоединиться к ним для свержения власти советов и установления народной власти на основе шариата. Здесь к ним присоединились 60 человек. После этого повстанцы, численностью в 160 чел., направились в район реки Кушепсыно, где до этого скрывались руководители повстанческого движения Нагорного и Баксанского округов. Здесь по распоряжению И. Кертова был устроен смотр, в результате

которого 18 чел. были признаны неспособными оказать содействие повстанцам, и отпущены по домам.

Руководители повстанческого движения провели совещание, на котором было принято решение о захвате сел. Каменноостского. По пути к намеченной цели И. Кертов решил заехать в сел. Гунделен, так как он рассчитывал на присоединение к отряду повстанческой ячейки сел. Гунделена, организованной Молла Хачиевым. Этот план не удался в виду оказания сопротивления местным активом, а из Гунделена к повстанцам никто не присоединился. В районе Гунделена к отряду И. Кертова присоединилось 9 всадников из Залукокоаже: Кубалов Худ, Бжахов Адам, Бабугоев Худжа, Аброков Хасан, Лакушев Нух и др.

15 февраля повстанцы без сопротивления заняли Каменноостское. В селении они пробыли не более 2-х часов. За это время они разогнали сельские органы власти, забрали лошадей и оружие, отобрав его у активистов села, занимались вербовкой повстанцев³⁰.

Пополнившись за счет местного населения, повстанческий отряд И. Кертова направился в сел. Сармаково. В этом селении повстанцы захватили государственный конный завод, а из него – 47 лошадей, а также конезавод местного товарищества, из которого забрали 17 лошадей³¹.

Как явствует из документов, к середине февраля 1930 г. все повстанческие силы в количестве 400–450 чел. были стянуты вблизи сел. Сармаково. Там же находился и штаб повстанческого движения, который решил организовать нападение на Верхний Куркужин. Этот выбор определялся тем, что после первого нападения на Верхний Куркужин, здесь был сосредоточен большой и хорошо вооруженный красноармейский отряд. Повстанцы решили использовать фактор внезапности, разгромить отряд красноармейцев и захватить оружие. С этой целью они в полном составе на рассвете 16 февраля направились в Верхний Куркужин. Однако этот план оказался нереализуемым. По пути из Сармаково в Верхний Куркужин повстанцы встретили двигавшихся им навстречу красноармейский отряд вместе с сельскими активистами. Завязался ожесточенный бой, который длился с 6 часов утра до самого вечера. В результате повстанцы с потерями убитыми и ранеными под натиском красноармейского отряда и активистов вынуждены были отступить в направлении горы «Канжал». Отступление происходило в ночное время и, пользуясь темнотой, многие повстанцы разошлись по домам.

Достигнув вершины горы «Канжал», повстанцы столкнулись с непреодолимым препятствием. Сильная крутизна и свежие снежные заносы лишали их возможностей спуститься вниз по горе. Единственный выход из создавшегося положения для них – контратака преследующего отряда активистов во главе с областным партработником К. Максидовым, что было реализовано повстанцами. Таким образом, преследовавший повстанцев отряд активистов превратился в преследуемый и «...стал отступать по направлению сел. Каменноостского, увлекая за собой повстанцев, количество коих в то время насчитывалось до 160 человек»³².

В этот период в районе сел. Каменноостского оперировал эскадрон 26-го кавалерийского полка. Предупрежденный об отступлении К. Максидова, он организовал засаду на подступах к селу. Повстанцы, увлеченные преследованием отряда К. Максидова, совершенно неожиданно попали в западню. Окруженные со всех сторон, они дрались отчаянно, но силы были не равные и повстанческий отряд И. Кертова был разгромлен. Однако, по словам Хацу Паунежева, руководителям штаба повстанческого движения Нагорного и Баксанского округов удалось спастись. В их числе оказались

Кертов Исмель, Хаупшев Джабаго, Бугов Цуца, Кубалов Худ, Бжахов Адам, Бабугоев Худжа, Аброков Хасан, Шаугенов, Мамихов, Амшуков Аслан³³.

В ходе следственных мероприятий ОГПУ было установлено, что он «... лично отстал от общей группы повстанцев еще в первый момент столкновения под

В. Куркужином и скрывался в пещере в местности «Куашепсино»³⁴. Такое неадекватное поведение Х. Паунежева – одного из организаторов повстанческого движения в Нагорном и Баксанском округах, историк С. Бейтуганов объясняет тем, что «...он в недавнем прошлом сражался в числе красных партизан»³⁵. Возможно, это было так, но могли быть и другие причины.

После разгрома отряда И. Кертова под Каменноостским руководители антиколхозного движения образовали вновь антисоветскую группу из оставшихся в живых повстанцев. Члены этой группы разбились по 2–3 человека и продолжали скрываться в горных ущельях, периодически делая налеты на населенные пункты, сельскохозяйственные объединения, сельисполкомы с целью воспрепятствовать колхозному строительству.

Многие непосредственные участники антисоветского выступления в феврале 1930 г. и их сторонники ушли в подполье и скрывались в кошах и в некоторых селах Нагорного и Баксанского округов.

В начале марта в Кабарду вернулся сбежавший из сталинградской ссылки в конце февраля 1930 г. Абуков Али – человек весьма авторитетный и влиятельный среди населения округа и за его пределами. Он был председателем окружного шариатского суда, затем первым председателем областного ККОВ. За противодействие мероприятиям советской власти он был сослан в Сталинградскую область.

По прибытии в Кабарду, он посетил своего родственника Шогенова Али в сел. Куба Баксанского округа, который рассказал А. Абукову о восстании в сел. Каменноостском, Сармаково и Куркужине. Сам Шогенов Али в этих событиях принимал участие, а после его подавления жил у себя дома подпольно. А. Шогенов также поведал А. Абукову, что в сел. Залукокоаже действует подпольная организация, возглавляемая жителями этого селения Кубаловым Худом и Бжаховым Адамом, и, что эта организация ведет работу по сплочиванию народа против советской власти под основным лозунгом борьбы против коллективизации, и он связан с ней. Он предложил А. Абукову поехать в Залукокоаже, познакомиться с Кубаловым и Бжаховым и принять участие в борьбе против советской власти.

В следственном деле № 560 ОГПУ мы читаем: «Будучи ожесточенным против соввласти за высылку меня, на предложение Шогенова ехать в Залукокоаже и принимать участие в деятельности существующей там подпольной организации я ответил согласием».

А. Абуков и А. Шогенов выехали в сел. Залукокоаже и прямо приехали в дом Кубалова. Последний, вместе с А. Бжаховым, как и А. Шогенов, скрывался дома после разгрома повстанцев под Каменноостским.

После небольшого совещания, на котором Кубалов и Бжахов рассказали А. Абукову, что они имеют широкие связи с карачаевцами, организовавшими в Карачае такое же повстанческое движение, как в Кабарде, и о том, что связь у них налажена и со станицей Зольской, где есть верные люди, готовые в любой момент помочь кабардинцам – повстанцам, было принято решение – ехать в Карачай для организации с руководителями карачаевских повстанцев совместной борьбы против советской власти³⁶.

В Карачай выехало около 10 человек. По дороге они встретили в Малкинском ущелье карачаевцев из сел. Хасаут, скрывавшихся от преследования со стороны советской власти после разгрома карачаевских повстанцев. Их было человек 12–13.

После беседы с повстанцами из Хасаута А. Абуков со своей группой направился в Карачай.

На обратном пути абуковцы объединились с хасаутцами³⁷.

В апреле месяца 1930 г. был создан Совет повстанцев из 10 чел., куда вошли А. Абуков, Х. Кубалов, Э. Джапуев, Х. Урусбиев, Д. Алдиев.

По сути это был штаб по объединению всех разрозненных антисоветских групп и поднятию новой волны повстанческого движения под лозунгом

борьбы за частную собственность, против коллективизации, за восстановление шариата, свержение советской власти и установление новой народной власти без коммунистов.

Спустя некоторое время Совет утвердил предложение И. Кертова и Х. Кубалова и др. поехать в сел. Залукокоаже с целью приобретения винтовок и патронов и вербовки новых людей из станицы Зольской Терской губернии в повстанческий отряд. Им было вручено 200 руб., собранные повстанцами для приобретения оружия.

По отбытии группы Кертова, Совет вынес решение – начать действовать – в первую очередь захватить «гостиницу «Шичекмес», где следует укрепиться и ожидать Кертова³⁸.

После нападения на «Шичекмес» было решено сделать налет на пост «Кичмалка», ликвидировать милиционеров и захватить их оружие. Для осуществления этого плана ночью они сосредоточились недалеко от Кичмалки в местности «Жинальхи». Рано утром повстанцы напали на пост «Кичмалка», но милиционеров там не застали, так как они заметили приближавшихся повстанцев и отошли.

В мае 1930 г. руководители повстанческого движения, в том числе и А. Абуков, собрались в Золукокоаже и провели совещание, на котором был обсужден вопрос о дальнейшем плане действия. Было принято решение «...немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию с целью свержения соввласти, по тем же селениям кабардинцев, где проводилась подготовка февральского восстания»³⁹. Вскоре после этого совещания вся эта группа в полном составе устроила налет на сел. Залукодес, и захватили сыроваренный завод.

Между тем подготовка ко второму этапу крестьянского восстания шла не только на территории, где в кабардинских селах были организованы антисоветские элементы, восставшие в феврале 1930 г, но и в балкарских селах, в которых сармаковский повстанческий центр проводил с лета 1929 г. большую работу по объединению антисоветских сил.

Об этом свидетельствует показание одного из активных участников повстанческого движения Нагорного и Баксанского округов Паунежева Хацу. Он сообщил следствию, что в августе 1929 г., находясь в подполье в местечке «Экепцоко, лидеры антисоветской борьбы И. Кертов и Д. Легидов постоянно поддерживали связь с балкарцами из селения Гунделен (Баксанское ущелье) – Динаевым Харуном. Подготовка к восстанию проводилось им в балкарских селах – в Верхнем Баксане, Нижнем Баксане, Верхнем Чегеме, Нижнем Чегеме, Большой Балкарии.

К осени 1929 года по информации Динаева во всех перечисленных балкарских селениях уже было подготовлено к вооруженному восстанию до 500 человек⁴⁰.

Однако, в силу различных обстоятельств, многие из них не принимали участие в февральском восстании 1930 г. В условиях разгрома последнего, руководители повстанческого движения видели в незадействованных повстанческих ячейках главную надежду на пополнение рядов антисоветских сил. В их числе был один из активных участников повстанческого движения в Балкарии Гуляев Ташу, который сообщил на следствии, что в начале июня в поиске повстанцев он встретил 10 кабардинцев, и они привели его вместе с двоюродным братом в штаб повстанческого отряда А. Абукова. По его словам кроме 10 повстанцев в штабе было еще 16 человек. Спустя три дня к повстанцам присоединился И. Кертов с 15 всадниками.

Через некоторое время из Карачая прибыло еще 20 человек. К середине июня 1930 г. А. Абукову удалось сформировать повстанческий отряд численностью более 70 человек⁴¹.

Разбившись на три взвода, которыми командовали Исмель Кертов, Худ Кубалов и Темпа Узденов, сводный отряд А. Абукова направился на гору «Канжал».

Однако в анализируемых документах и материалах мы не обнаружили сведений о дальнейшей совместной борьбе повстанцев, возглавляемых И. Кертовым и А. Абуковым. При этом следует иметь в виду, что повстанческий Совет, созданный А. Абуковым, разработал план, согласно которому, по материалам следствия, он ставил перед собой задачу: «...пройти Баксанское ущелье и Чегемское с целью присоединения к банде всех недовольных людей, переход из Чегемского ущелья в Балкарскую, объединение там с бандой известного бандита Ацканова и, сколотив, таким образом, значительные силы, начать вооруженные действия против соввласти»⁴².

Однако этот план был нереализуем.

В июне 1930 г. силами оперативных войск ОГПУ и боевых отрядов областного советско-партийного актива отряд А. Абукова был разгромлен под Верхним Баксаном⁴³.

Тем временем, отряд И. Кертова вернулся из района «Канжал» в Нагорный округ. С горы «Канжал» он прямо направился в сел. Залукокоаже в дом Х. Кубалова за продуктами, и как только выехал из селения, был окружен вооруженным отрядом численностью приблизительно в 30 человек. Очевидно, это был отряд из местного советско-партийного актива и окружных сотрудников ОГПУ. Оторвавшись от него, отряд Кертова направился в сторону немецкой колонии «Бруненталь»*, а оттуда – в «Макогапс». Из местности «Макогапс» кертовцы направлись в заюковский лес и здесь, в очередной раз, попали под обстрел того же неизвестный отряда.

После этого повстанцы передислоцировались в район Нижнего Чегема. Но эта местность оказалась непригодной для подпольной борьбы против советской власти, поэтому они вернулись в заюковский лес. Ночью они отошли на гору Хара-Хора. Утром отряд Кертова снова был окружен советской вооруженной группой.

Перестрелка длилась с утра до вечера. Вечером группа покинула место перестрелки, а повстанцы решили через Куркужин пойти на Зольские пастбища. Здесь они напали на милицейский пост и захватили 3 винтовки⁴⁴. Однако преследуемые чекистами ОГПУ КБАО, местными активистами, а также красноармейцами, повстанцы во главе с И. Кертовым были разгромлены летом 1930 г. Сам И. Кертов погиб в бою. Вскоре после гибели И. Кертова, в районе «Экепцоко» был расстрелян Х. Кубалов.

В заключение следует подчеркнуть, что основной движущей силой антисоветской борьбы явилась наиболее консервативная часть крестьянского населения, для которой неприемлемыми оказались мероприятия советской власти по борьбе с религией и ликвидацией частной собственности на землю на основе коллективизации крестьянских хозяйств со всеми вытекающими отсюда социокультурными последствиями.

Идеологами этого движения выступали сельские муллы-выходцы из крестьянского сословия, которые больше всех выражали интересы наиболее деятельной и трудолюбивой части крестьянства. Поэтому этот этап борьбы с советской властью мы рассматриваем как крестьянско-мулльский, равно как и в антисоветской борьбе в других округах Кабардино-Балкарской области в 1928–1930 гг.

Несмотря на упорное сопротивление крестьян мероприятиям советской власти, эта борьба была обречена на неминуемое поражение. Оно было обусловлено неорганизованностью и стихийностью антиколхозного движения крестьян, которому противостояла государственная карательная система, включавшая в себя ОГПУ, воинские части, местные большевистские силы и др.

При этом следует иметь в виду, что, в 1923 г. полномочный представитель ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимов ввел систему мер по ликвидации

* *Бруненталь* – немецкая колония. С началом Великой Отечественной войны немцы, проживавшие в колонии, были депортированы в Среднюю Азию. После войны колония переименована в село Октябрьское. В настоящее время населенный пункт «Октябрьское» включен в состав сельского поселения «Светловодское», Зольского района.

антибольшевистских сил на Северном Кавказе. В ее основе лежали создание и развитие агентурной сети вокруг повстанцев, рекрутирование агентов из местного населения и внедрение их в повстанческие ячейки, сбор оперативной информации о деятельности повстанческих отрядов и т.д.⁴⁵ Эта система сработала весьма эффективно, что подтверждается архивными материалами⁴⁶.

К началу крестьянского восстания в Нагорном и Баксанском округах прошли массовые аресты, местные повстанческие ячейки были обезглавлены. Многие населенные пункты были отрезаны от восставших крестьян и не смогли принимать участие в этом движении. В конечном итоге все эти факторы наряду со многими другими привели к краху антибольшевистской борьбы.

Примечания

1. Газета «Правда» – орган ЦК ВКП(б) 7 ноября 1929 г.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 92.
3. Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999. С. 65.
4. Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР (Далее – УЦГА АС КБР). Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 1–50.
5. Там же. Л. 10–11.
6. Там же. Л. 10.
7. Там же. Л. 18.
8. Бейтуганов С. Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Газ. «Советская молодежь». Август, 1991.
9. Трагедия советской деревни. С. 431.
10. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3 Д. 375. Л. 19.
11. Бейтуганов С. Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Газ. «Советская молодежь». Август, 1991.
12. Там же.
13. Газ. «ШЦэнгъуазэ». №№ 2, 4. 1991.
14. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 12.
15. Там же. Л. 13.
16. Там же. Л. 13–14.
17. Там же. Л. 14–16.
18. Там же.
19. Бейтуганов С. Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах // Советская молодежь. Август, 1991.
20. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 17.
21. Бейтуганов С. Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Газ. «Советская молодежь». Август, 1991.
22. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 17а.
23. Там же. Л. 18.
24. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 62.
25. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 49–50.
26. Прасолов Д.Н. Восстания в Кабардино-Балкарии конца 20-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. С. 357.
27. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 17а.
28. Там же.
29. Там же. Л. 16–17.
30. Там же. Л. 20.
31. Бейтуганов С. Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Газ. «Советская молодежь». Август, 1991.

32. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 22.
33. Там же.
34. Там же.
35. *Бейтуганов С.* Крестьянское восстание в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Газ. «Советская молодежь». Август, 1991.
36. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 319. Л. 63.
37. Там же. Л. 63–64.
38. Там же. Л. 64.
39. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 23.
40. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 319. Л. 66.
41. Там же. Л. 64.
42. Там же. Л. 65.
43. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Указ. соч. С. 190–191.
44. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 375. Л. 25.
45. *Тумшиц М., Папчинский А.* Большая чистка НКВД против ЧК // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1002352> (дата обращения: 15.11.2015).
46. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 522. Т. 1. Л. 5–11.

А.Н. Karmov

ANTI-COLLECTIVE FARM MOVEMENT IN THE NAGORNO AND BAKSAN DISTRICTS OF CABAQ IN 1929–1930

This article explores the socio-political situation in Kabardino-Balkaria under the conditions of transition from a new economic policy to a policy of collectivization of peasant farms and the elimination of the kulaks as a class.

The reasons that motivated the most amateur and hardworking part of the peasantry of Kabardino-Balkaria, on the example of the Nagorny and Baksansky districts, to an armed insurrection against the events of the Soviet power, as well as the preparation and course of the armed performance and the reasons for the defeat.

Keywords: New economic policy, collectivization of peasant farms, grain procurement, insurgency, I. Kertov, B. Kalmykov, A. Abukov, OGPU.